

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-668-676

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ СМЯГЧЕНИЯ И УЖЕСТОЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. В статье исследуются современные направления развития уголовной ответственности за экономические преступления в российском праве. Обосновывается, что уголовно-правовая политика в сфере экономики после 2020 г. развивается по двум взаимосвязанным, но внешне противоположным направлениям: гуманизация ответственности за деяния, совершенные в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности при условии возмещения ущерба, и ужесточение реакции на организованные, системные, коррупционно обусловленные, налоговые, финансовые и цифровые формы экономической преступности. Особое внимание уделяется проблеме разграничения уголовно наказуемого поведения и предпринимательского риска, роли компенсационных механизмов, значению штрафа и иных наказаний, не связанных с лишением свободы, а также вопросам назначения наказания с учетом степени общественной опасности деяния. Сделан вывод о необходимости дальнейшей дифференциации уголовной ответственности, при которой смягчение наказания допустимо в отношении лиц, не представляющих высокой общественной опасности и реально восстановивших нарушенные имущественные интересы, тогда как ужесточение оправдано в отношении организаторов устойчивых преступных схем, извлекающих незаконную выгоду из злоупотребления экономическими институтами.

Ключевые слова: экономические преступления, уголовная ответственность, наказание, гуманизация, ужесточение, предпринимательский риск, налоговые преступления, легализация доходов, штраф, возмещение ущерба, уголовная политика.

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

CRIMINAL LIABILITY FOR ECONOMIC CRIMES: TRENDS IN MITIGATION AND TIGHTENING OF PUNISHMENT

Annotation. The article examines current trends in the development of criminal liability for economic crimes in Russian law. It is argued that criminal law policy in the economic sphere after 2020 is developing in two interrelated but externally opposite directions: the humanization of liability for acts committed in entrepreneurial and other economic activities, provided that damage is compensated, and the tightening of criminal response to organized, systemic, corruption-related, tax, financial and digital forms of economic crime. Special attention is paid to the distinction between criminal conduct and entrepreneurial risk, the role of compensatory mechanisms, the importance of fines and other non-custodial penalties, as well as sentencing issues taking into account the degree of public danger of the act. The article concludes that further differentiation of criminal liability is necessary: mitigation is justified for persons who do not pose a high public danger and have actually restored violated property interests, whereas tightening is justified for organizers of stable criminal schemes who derive illegal benefits from abusing economic institutions.

Key words: economic crimes, criminal liability, punishment, humanization, tightening, entrepreneurial risk, tax crimes, money laundering, fine, compensation for damage, criminal law policy.

Введение

Экономические преступления традиционно относятся к числу наиболее сложных объектов уголовно-правового регулирования. Их специфика состоит в том, что они совершаются в сфере имущественного оборота, предпринимательства, финансов, налогообложения, корпоративного управления, кредитования и иных отношений, в которых правомерная хозяйственная активность нередко граничит с противоправным поведением. В отличие от многих общеуголовных посягательств, экономическое преступление далеко не всегда проявляется в очевидной насильственной или открыто противоправной форме. Оно может быть включено в систему договорных, расчетных, налоговых, корпоративных или банковских операций, что существенно осложняет его выявление, квалификацию и доказывание [1; 2].

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, экономическая преступность непосредственно влияет на состояние предпринимательской среды, инвестиционный климат, устойчивость финансовой системы и доверие участников гражданского оборота. Во-вторых, чрезмерная уголовная репрессия в сфере экономики способна порождать обратный эффект: снижать деловую активность, стимулировать уход бизнеса в теневой сектор, создавать риски использования уголовного преследования как инструмента корпоративного или конкурентного давления. В-третьих, недостаточная строгость уголовно-правовой реакции на организованные экономические схемы, напротив, формирует ощущение безнаказанности и делает незаконное обогащение экономически выгодным [3; 4].

После 2020 г. проблема соотношения смягчения и ужесточения наказаний за экономические преступления приобрела особую значимость. Цифровизация финансового оборота, расширение дистанционных способов заключения сделок, рост электронных платежей, развитие криптоактивов и трансграничных расчетных механизмов привели к усложнению экономической преступности. Одновременно государство декларирует необходимость снижения необоснованного уголовно-правового давления на предпринимательскую деятельность, что предполагает более широкое использование компенсационных и альтернативных мер воздействия [5; 6].

В научной литературе справедливо отмечается, что уголовное право в экономической сфере должно быть предельно точным и сдержанным: оно не может заменять гражданско-правовую, налоговую, административную и дисциплинарную ответственность, но обязано эффективно реагировать на деяния, причиняющие существенный

вред охраняемым законом интересам [7]. Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных тенденций смягчения и ужесточения наказаний за экономические преступления, а также в определении критериев их справедливого сочетания.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

раскрыть специфику экономических преступлений как объекта уголовно-правового регулирования;

определить основные проявления гуманизации ответственности в сфере экономики;

выявить направления ужесточения уголовной ответственности за наиболее опасные формы экономической преступности;

сформулировать критерии дифференциации наказаний;

определить перспективы дальнейшего развития уголовной политики в данной области.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, логико-догматический и криминологический методы. Использован анализ научной литературы, учебных и комментаторских источников, посвященных общей теории наказания, квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, а также современным тенденциям противодействия финансовой, налоговой и организованной преступности [1; 3; 8].

Экономические преступления представляют собой совокупность общественно опасных деяний, посягающих на установленный порядок осуществления экономической деятельности, имущественные интересы граждан, организаций и государства, финансовую систему, нормальное функционирование рынка, конкуренцию, налоговую дисциплину и доверие к хозяйственному обороту. В российском уголовном законодательстве значительная часть таких преступлений сосредоточена в главе 22 УК РФ, однако экономическая направленность может быть присуща и деяниям, расположенным в иных главах Особенной части, например мошенничеству, присвоению и растрате, легализации преступных доходов, коррупционным преступлениям, преступлениям в сфере компьютерной информации [2; 4].

Особенность данной категории преступлений заключается в том, что их объектом является не только конкретное имущество или имущественное право, но и более сложные социально-экономические отношения. Например, незаконное получение кредита подрывает доверие к кредитной системе; уклонение от уплаты налогов нарушает публичные финансовые интересы; манипулирование рынком и злоупотребления при эмиссии ценных бумаг воздействуют на стабильность ин-

вестиционного оборота; легализация преступных доходов способствует включению криминального капитала в легальную экономику [5; 9].

Сложность уголовно-правовой оценки экономических преступлений связана также с тем, что многие из них совершаются с использованием юридических лиц, многоступенчатых договорных схем, фиктивного документооборота, номинальных руководителей, аффилированных организаций, электронных платежных инструментов. В таких условиях особое значение приобретает установление умысла, действительной роли лица, конечного выгодоприобретателя, размера ущерба и причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями [6; 10].

При этом не всякое нарушение в экономической сфере должно влечь уголовную ответственность. Хозяйственная деятельность неизбежно связана с риском, ошибками прогнозирования, изменением рыночной конъюнктуры, недобросовестностью контрагентов, колебаниями валютных курсов, изменением регулирования и иными объективными факторами. Поэтому уголовно наказуемым должно признаваться только такое поведение, которое обладает достаточной степенью общественной опасности и содержит признаки виновного, умышленного либо предусмотренного законом неосторожного нарушения уголовно-правового запрета [1; 7].

В этом проявляется принципиальное отличие экономического преступления от гражданско-правового деликта или административного правонарушения. Для уголовной ответственности недостаточно самого факта неисполнения обязательства, неполучения ожидаемого экономического результата или причинения имущественного вреда. Необходимо доказать наличие состава преступления, включая объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Такое требование имеет особое значение в сфере предпринимательства, где уголовно-правовая ошибка может повлечь серьезные последствия не только для конкретного лица, но и для всей хозяйственной структуры [3; 8].

Одной из наиболее устойчивых тенденций последних лет является гуманизация уголовной ответственности за экономические преступления. Она выражается не в отказе государства от защиты экономического порядка, а в стремлении применять уголовно-правовые меры более избирательно, соразмерно и экономически рационально.

Гуманизация прежде всего проявляется в признании приоритетного значения возмещения ущерба. В сфере экономических преступлений восстановление нарушенных имущественных интересов часто имеет не меньшее, а иногда и боль-

шее значение, чем назначение длительного срока лишения свободы. Если лицо впервые совершило преступление, признало вину, компенсировало ущерб, способствовало раскрытию деяния и не представляет высокой общественной опасности, применение наказания, не связанного с изоляцией от общества, может быть более эффективным с точки зрения целей уголовного закона [1; 4].

Такой подход соответствует восстановительной функции уголовной ответственности. Экономическое преступление причиняет прежде всего имущественный вред, поэтому государство заинтересовано в том, чтобы виновное лицо не только понесло наказание, но и реально компенсировало причиненные убытки. Назначение лишения свободы в подобных случаях не всегда способствует достижению этой цели: изоляция лица может лишить его возможности продолжать экономическую деятельность и погашать ущерб [5].

Второе направление гуманизации связано с расширением применения наказаний, не связанных с лишением свободы. К ним относятся штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, ограничение свободы, условное осуждение. Для многих экономических преступлений именно штраф и дополнительные ограничения профессионального характера обладают значительным превентивным потенциалом, поскольку воздействуют на экономическую мотивацию виновного [2; 6].

Штраф в данном контексте выполняет двойную функцию. С одной стороны, он является формой государственного порицания и имущественного взыскания. С другой – способен нейтрализовать экономическую привлекательность преступления. Однако эффективность штрафа зависит от его соразмерности имущественному положению осужденного и размеру извлеченной выгоды. Слишком низкий штраф может восприниматься как приемлемая «цена риска», а чрезмерно высокий – как фактически неисполнимое наказание, утрачивающее реальный смысл [3; 7].

Третье проявление гуманизации состоит в более осторожном отношении к уголовному преследованию предпринимателей и руководителей организаций в ситуациях хозяйственного риска. Предпринимательская деятельность по своей природе предполагает принятие решений в условиях неопределенности. Ошибка в оценке рынка, просчет в инвестиционном проекте, неплатежеспособность контрагента или нарушение сроков исполнения договора не должны автоматически рассматриваться как свидетельство преступного умысла [8].

Именно поэтому важнейшей задачей правоприменения является разграничение преступления и неудачного бизнеса. Уголовная ответственность допустима тогда, когда установлено, что лицо изначально не намеревалось исполнять обязательства, использовало фиктивные документы, вводило контрагентов или государственные органы в заблуждение, скрывало активы, создавало искусственные условия для причинения ущерба либо извлекало незаконную выгоду заведомо противоправным способом [4; 9].

Четвертое направление смягчения связано с развитием институтов освобождения от уголовной ответственности при выполнении виновным определенных позитивных условий. В экономической сфере такие институты особенно значимы, поскольку позволяют сочетать публичный интерес в пресечении преступления с частным и государственным интересом в восстановлении имущественного положения потерпевших. При этом важно, чтобы подобные механизмы не превращались в средство «выкупа» от ответственности для лиц, систематически совершающих преступления [1; 5].

Следовательно, гуманизация имеет пределы. Она оправдана в отношении лиц, совершивших деяние впервые, не являющихся организаторами устойчивых преступных схем, добровольно возместивших ущерб и не представляющих высокой общественной опасности. Но она не должна распространяться на профессиональных участников теневой экономики, использующих бизнес-структуры как прикрытие для преступной деятельности.

Наряду с гуманизацией развивается противоположная тенденция – ужесточение уголовно-правовой реакции на отдельные виды экономических преступлений. Это обусловлено объективным ростом сложности и общественной опасности современной экономической преступности.

Во-первых, экономические преступления все чаще приобретают организованный характер. Преступная деятельность может осуществляться через сеть взаимосвязанных юридических лиц, номинальных директоров, подставных индивидуальных предпринимателей, фиктивные договоры, транзитные счета, зарубежные компании, электронные платежные сервисы. В таких условиях преступление перестает быть единичным нарушением и превращается в устойчивую модель незаконного обогащения [6; 10].

Организованный характер деяния является одним из ключевых оснований для ужесточения наказания. Если лицо не просто нарушило закон, а создало или возглавило преступную схему, распределило роли между участниками, обеспечило

сокрытие следов и извлекало систематическую выгоду, назначение мягкого наказания не отвечает целям предупреждения преступлений. В таких случаях необходима более строгая уголовно-правовая реакция, включая реальное лишение свободы, крупные штрафы, конфискационные и запретительные меры [2; 4].

Во-вторых, усиливается внимание к преступлениям, причиняющим ущерб бюджетной системе. Налоговые преступления обладают высокой общественной опасностью, поскольку нарушают принцип равного распределения публичных финансовых обязанностей. Недобросовестный налогоплательщик получает конкурентное преимущество перед теми субъектами, которые исполняют свои обязанности добросовестно. Поэтому уклонение от уплаты налогов в крупном и особо крупном размере, совершенное с использованием фиктивного документооборота и схемных операций, объективно требует более жесткой оценки [3; 9].

Вместе с тем и здесь необходима дифференциация. Не каждое налоговое нарушение является преступлением. Ошибка в налоговом учете, спор о квалификации сделки, неоднозначность регулирования или применение спорной налоговой модели не должны автоматически влечь уголовную ответственность. Ужесточение оправдано прежде всего там, где доказаны умысел, искусственный характер операций, отсутствие реального экономического содержания сделок и направленность поведения на незаконное уменьшение налоговых обязательств [7; 8].

В-третьих, возрастает значение борьбы с легализацией преступных доходов. Легализация представляет собой не просто последующее распоряжение преступно полученным имуществом, а механизм включения криминального капитала в законный экономический оборот. Такая деятельность создает угрозу финансовой системе, способствует коррупции, финансированию организованной преступности и искажению конкуренции [5; 10].

В этих условиях ужесточение ответственности за легализацию доходов, полученных преступным путем, является реакцией не только на национальные, но и на глобальные вызовы экономической безопасности.

В-четвертых, ужесточение связано с цифровизацией экономической преступности. Электронная коммерция, дистанционное банковское обслуживание, цифровые платформы и виртуальные активы расширили возможности совершения мошенничества, незаконного оборота денежных средств, манипулирования данными, хищения средств с использованием информационных тех-

нологий. Такие преступления могут причинять массовый ущерб большому числу потерпевших и совершаться с высокой степенью анонимности [6; 11].

В-пятых, особое значение приобретает борьба с коррупционно-экономическими преступлениями. Экономическая преступность часто сопряжена с подкупом, злоупотреблением полномочиями, незаконным участием должностных лиц в коммерческих схемах, предоставлением преимуществ аффилированным структурам. В таких случаях вред выходит за пределы имущественного ущерба: подрывается доверие к публичной власти и принцип равенства участников экономического оборота [9; 12].

Таким образом, ужесточение уголовной ответственности в сфере экономики обусловлено не стремлением к расширению репрессии как таковой, а необходимостью реагирования на наиболее опасные формы преступного поведения: организованность, крупный ущерб, повторность, профессиональный характер, коррупционную составляющую, цифровую маскировку и трансграничность.

Главная проблема уголовной ответственности за экономические преступления состоит не в выборе между смягчением и ужесточением, а в определении условий, при которых должно применяться то или иное направление. Универсальная гуманизация столь же опасна, как и универсальная репрессия. Первая может привести к фактической безнаказанности сложных преступных схем, вторая – к подавлению предпринимательской инициативы и криминализации обычных хозяйственных конфликтов [1; 7].

Дифференциация наказания должна основываться на совокупности критериев. Первым критерием является характер деяния. Если преступление выражается в единичном нарушении, не сопряжено с созданием фиктивных структур, не имеет признаков организованности и совершено в условиях хозяйственного риска, основания для мягкого подхода значительно шире. Если же деяние представляет собой заранее разработанную схему незаконного обогащения, наказание должно быть более строгим [2; 4].

Вторым критерием выступает размер ущерба и объем незаконной выгоды. Экономические преступления часто имеют стоимостное выражение, поэтому масштаб причиненного вреда объективно влияет на степень общественной опасности. Однако важно учитывать не только формальный размер ущерба, но и последствия для потерпевших, бюджета, работников организации, кредиторов, инвесторов и иных участников оборота [3; 8].

Третьим критерием является роль виновного. Организатор, руководитель схемы, конечный

выгодоприобретатель и лицо, обеспечивающее сокрытие преступных доходов, должны нести более строгую ответственность, чем номинальный участник или исполнитель, чья роль была ограниченной. В экономических преступлениях данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку формальный руководитель организации не всегда совпадает с фактическим контролирующим лицом [5; 10].

Четвертым критерием выступает поведение лица после совершения преступления. Добровольное возмещение ущерба, содействие расследованию, раскрытие схемы, предоставление документов, отказ от дальнейшего противоправного поведения должны учитываться как обстоятельства, свидетельствующие о возможности применения менее строгих мер. Напротив, сокрытие активов, давление на свидетелей, уничтожение документов, продолжение преступной деятельности указывают на необходимость ужесточения [1; 6].

Пятым критерием является повторность и системность поведения. Если экономическое преступление является случайным эпизодом, уголовно-правовая реакция может быть менее строгой. Если же лицо неоднократно использует одни и те же незаконные механизмы, меняет юридические лица, привлекает номинальных участников и продолжает извлекать выгоду, применение мягких мер не обеспечивает предупреждения преступлений [4; 9].

Шестым критерием является соотношение уголовного и иных видов правового воздействия. В сфере экономики уголовное право должно применяться как *ultima ratio* – крайнее средство защиты наиболее значимых общественных отношений. Если цели правового воздействия могут быть достигнуты гражданско-правовыми, административными, налоговыми или дисциплинарными механизмами, криминализация поведения требует особого обоснования. Но если указанные средства не способны пресечь устойчивую преступную деятельность, уголовная репрессия становится необходимой [7; 8].

Таким образом, дифференциация наказаний позволяет соединить две задачи: защиту экономики от преступных посягательств и недопущение чрезмерного вмешательства государства в предпринимательскую деятельность.

При обсуждении смягчения и ужесточения ответственности особое значение имеет вопрос об эффективности конкретных видов наказаний. Для экономических преступлений наиболее дискуссионным является соотношение штрафа и лишения свободы.

Штраф традиционно считается одним из наиболее адекватных наказаний за преступления

имущественной и экономической направленности. Он соответствует природе деяния, поскольку воздействует на имущественную сферу виновного. Кроме того, штраф не разрушает социальные связи лица, не исключает его из экономического оборота и может сочетаться с обязанностью возмещения ущерба [1; 3].

Однако штраф эффективен только при соблюдении нескольких условий. Во-первых, его размер должен быть ощутимым для виновного. Во-вторых, он не должен препятствовать исполнению обязанности по компенсации вреда потерпевшим. В-третьих, он должен учитывать реальную платежеспособность лица. В-четвертых, штраф должен сопровождаться механизмами исполнения, иначе он превращается в формальную санкцию [4].

Лишение свободы, напротив, должно применяться в сфере экономических преступлений избирательно. Оно оправдано прежде всего в отношении лиц, совершивших тяжкие, организованные, многоэпизодные деяния, причинивших особо крупный ущерб, использовавших служебное положение, вовлекших иных лиц в преступную деятельность, не возместивших ущерб и продолжавших противоправное поведение. В таких случаях изоляция выполняет не только карательную, но и превентивную функцию [2; 6].

Вместе с тем широкое применение лишения свободы за экономические преступления может иметь негативные последствия. Оно не всегда способствует возмещению ущерба, увеличивает нагрузку на уголовно-исполнительную систему и может препятствовать возвращению лица к легальной экономической деятельности. Поэтому лишение свободы должно рассматриваться как необходимая мера в случаях высокой общественной опасности, а не как универсальный ответ на любое экономическое преступление [7; 8].

Перспективным представляется более активное использование дополнительных наказаний и ограничений: запрета занимать руководящие должности, осуществлять определенную деятельность, участвовать в управлении юридическими лицами, работать в финансовой сфере, распоряжаться определенными активами. Такие меры позволяют адресно воздействовать на источник криминального риска, не прибегая во всех случаях к изоляции от общества [5; 9].

Отдельного внимания заслуживает цифровизация экономической преступности. После 2020 г. цифровая среда стала не только пространством легального предпринимательства, но и инструментом совершения преступлений. Распространение дистанционных банковских услуг, маркетплейсов, электронных платежей, криптова-

лютных операций и автоматизированных систем управления активами создало новые возможности для незаконного извлечения выгоды [6; 11].

Цифровые экономические преступления имеют несколько особенностей. Во-первых, они могут совершаться дистанционно, без физического контакта с потерпевшим. Во-вторых, преступник может использовать технические средства сокрытия личности и местонахождения. В-третьих, ущерб может причиняться одновременно множеству лиц. В-четвертых, следы преступления часто имеют электронную форму, что требует специальных знаний при расследовании и оценке доказательств [11].

Эти особенности объективно способствуют ужесточению уголовно-правового реагирования в отношении профессиональных цифровых преступных групп. Если экономическое преступление совершается с использованием вредоносного программного обеспечения, фишинговых схем, незаконного доступа к финансовым данным, подмены платежных реквизитов или криптовалютных миксеров, его общественная опасность существенно возрастает [6; 12].

Однако цифровизация не должна служить основанием для автоматического ужесточения наказания во всех случаях. Важно учитывать, является ли использование цифровых технологий способом совершения преступления, повышающим его опасность, или лишь обычной формой современной хозяйственной деятельности. Например, заключение договора в электронной форме само по себе не свидетельствует о преступном характере поведения. Значение имеют умысел, обман, причиненный ущерб, незаконная выгода и иные признаки состава преступления [8; 10].

Современная экономическая преступность не ограничивается национальными границами. Финансовые потоки могут быстро перемещаться между юрисдикциями, использовать банковские и небанковские каналы, электронные активы, номинальных собственников, офшорные компании и профессиональных посредников. Поэтому уголовная политика в сфере экономических преступлений неизбежно учитывает международные тенденции [11; 12].

Международные исследования последних лет подчеркивают, что борьба с финансовой преступностью требует не только наказания конкретных лиц, но и повышения прозрачности экономического оборота, выявления бенефициарных владельцев, контроля подозрительных операций, укрепления корпоративного комплаенса и межгосударственного обмена информацией [11]. Эти направления оказывают влияние и на национальную уголовную политику.

В международном контексте также заметно сочетание смягчения и ужесточения. С одной стороны, развивается практика соглашений, добровольного раскрытия информации, корпоративного комплаенса, возмещения ущерба и отказа от наиболее жестких санкций при сотрудничестве с органами власти. С другой стороны, усиливается ответственность за отмывание денег, коррупцию, финансирование преступных структур, нарушение санкционных режимов, использование цифровых активов для сокрытия незаконных доходов [12].

Для российского уголовного права международный опыт важен прежде всего в части разработки риск-ориентированного подхода. Необходимо отличать добросовестного участника экономического оборота, допустившего нарушение, от лица, использующего экономические институты как инструмент преступного обогащения. Именно такое разграничение позволяет избежать как чрезмерной мягкости, так и чрезмерной репрессии [5; 7].

Несмотря на наличие общих тенденций, правоприменительная практика в сфере экономических преступлений сталкивается с рядом проблем. Первая из них – риск подмены гражданско-правового спора уголовным преследованием. Особенно часто это проявляется в конфликтах между контрагентами, участниками корпораций, кредиторами и должниками. Если уголовное право используется как средство давления в хозяйственном споре, нарушается его публично-правовая природа и подрывается доверие к правосудию [1; 8].

Вторая проблема связана с доказыванием умысла. Экономические преступления нередко имеют сложную объективную сторону, а виновные лица используют формально законные документы. Поэтому установление субъективной стороны требует анализа всей совокупности обстоятельств: предшествующего поведения, содержания переговоров, реальности хозяйственных операций, движения денежных средств, наличия активов, экономического смысла сделок [4; 10].

Третья проблема состоит в определении размера ущерба. В экономических делах ущерб может рассчитываться по-разному в зависимости от методики, вида обязательств, налоговых последствий, стоимости активов, реальности дебиторской задолженности. Ошибка в определении ущерба способна повлиять на квалификацию преступления и строгость наказания [3; 9].

Четвертая проблема это – неоднородность подходов к назначению наказания. В одних случаях суды активно учитывают возмещение ущерба и назначают наказания, не связанные с лишением свободы; в других, при сходных обстоятельствах, применяются более строгие меры. Это снижает

предсказуемость уголовной политики и требует дальнейшего развития разъяснений, научных рекомендаций и единых критериев индивидуализации наказания [2; 7].

Пятый риск связан с чрезмерной верой в карательный эффект лишения свободы. Для экономических преступлений важна не только суровость наказания, но и его неизбежность, экономическая чувствительность и способность восстанавливать нарушенные интересы. Если лицо получает длительный срок лишения свободы, но причиненный ущерб не возмещается, потерпевшие и государство не всегда получают реальный восстановительный результат [5].

Следовательно, эффективность уголовно-правовой политики определяется не количеством строгих приговоров, а способностью системы отличать разные уровни общественной опасности и применять к ним адекватные меры.

Перспективы развития уголовной ответственности за экономические преступления связаны с несколькими направлениями:

Во-первых, необходимо дальнейшее уточнение критериев разграничения преступления и предпринимательского риска. Такие критерии должны учитывать реальность хозяйственной операции, наличие экономического смысла сделки, поведение лица до и после возникновения обязательства, движение денежных средств, наличие намерения исполнить обязательство, степень осмотрительности и добросовестности [1; 8].

Во-вторых, следует развивать компенсационную модель ответственности. Возмещение ущерба должно оставаться одним из ключевых факторов смягчения наказания. Однако этот механизм должен применяться только тогда, когда компенсация является реальной, полной или значительной, добровольной и не сопровождается сокрытием иных эпизодов преступной деятельности [3; 5].

В-третьих, необходимо совершенствовать систему наказаний имущественного характера. Штраф должен быть соразмерен незаконной выгоде и имущественному положению виновного. В противном случае он либо не достигает превентивной цели, либо становится неисполнимым. Перспективным является более гибкое сочетание штрафа с запретами на определенную деятельность, конфискационными механизмами и обязанностью возместить ущерб [2; 4].

В-четвертых, следует усилить уголовно-правовую реакцию на организаторов устойчивых экономических схем. Именно они являются главными выгодоприобретателями преступной деятельности, тогда как формальные исполнители часто занимают зависимое или второстепенное положение

ние. Правильное установление фактического контроля над юридическими лицами и денежными потоками имеет принципиальное значение для справедливого наказания [6; 10].

В-пятых, необходимо учитывать цифровой характер современной экономической преступности. Это требует развития специальных знаний у следователей, прокуроров, судей и экспертов, совершенствования методик анализа электронных доказательств, финансовых транзакций, криптоактивов и цифровых следов [11; 12].

В-шестых, важным направлением является развитие корпоративного комплаенса. Добросовестные организации должны иметь стимулы к предотвращению экономических преступлений внутри своей структуры: внедрению антикоррупционных процедур, внутреннего аудита, контроля за контрагентами, финансового мониторинга, механизмов сообщения о нарушениях. Наличие эффективной системы комплаенса может учитываться при оценке добросовестности организации и ее руководителей [9; 12].

Заключение

Современная уголовная ответственность за экономические преступления развивается в условиях сложного баланса между двумя тенденциями: смягчением и ужесточением наказаний. Эти тенденции не являются взаимоисключающими. Напротив, они отражают потребность в более точной и дифференцированной уголовно-правовой политике.

Смягчение наказаний оправдано в случаях, когда деяние не носит организованного и системного характера, совершено впервые, связано с хозяйственным риском либо незначительной степенью общественной опасности, а причиненный ущерб добровольно возмещен. В таких ситуациях наиболее эффективными могут быть штраф, условное осуждение, запрет заниматься определенной деятельностью, иные меры, не связанные с изоляцией от общества.

Ужесточение наказаний необходимо в отношении организованных, многоэпизодных, коррупционно обусловленных, налоговых, финансовых и цифровых преступлений, причиняющих крупный ущерб и подрывающих основы экономического порядка. Особенно строгая реакция должна применяться к организаторам преступных схем, фактическим выгодоприобретателям, лицам, скрывающим активы, использующим фиктивный документооборот и продолжающим противоправную деятельность после выявления нарушений.

Оптимальная модель уголовной политики в сфере экономических преступлений должна строиться на следующих принципах:

уголовное право применяется как крайнее

средство защиты экономических отношений;

наказание должно учитывать не только формальный состав преступления, но и реальную степень общественной опасности;

возмещение ущерба является важным, но не универсальным основанием смягчения;

организованный и профессиональный характер преступной деятельности должен влечь более строгую ответственность;

лишение свободы должно применяться избирательно, преимущественно к лицам, представляющим повышенную общественную опасность;

штрафы и иные имущественные меры должны быть экономически ощутимыми и исполнимыми;

правоприменение должно исключать подмену гражданско-правовых и налоговых споров уголовным преследованием.

Таким образом, будущее уголовной ответственности за экономические преступления связано не с односторонним усилением репрессии и не с безусловной либерализацией, а с развитием гибкой системы индивидуализации наказания. Только такой подход позволяет одновременно защищать экономический порядок, обеспечивать восстановление нарушенных прав, поддерживать добросовестное предпринимательство и эффективно противодействовать профессиональной экономической преступности.

Список литературы:

- [1] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2023.
- [2] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2023.
- [3] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.
- [4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023.
- [5] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический комментарий / отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: Проспект, 2021.
- [6] Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов: в 2 т. / отв. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2024.
- [7] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко. М.: Юрайт, 2023.
- [8] Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко. М.: Юрайт, 2023.

[9] Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Е.В. Охотского. М.: Юрайт, 2022.

[10] Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: Проспект, 2021.

[11] FATF. Countering Ransomware Financing. Paris: FATF, 2023.

[12] Europol. European Financial and Economic Crime Threat Assessment 2023: The Other Side of the Coin. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023.

[13] OECD. Corporate Anti-Corruption Compliance Drivers, Mechanisms, and Ideas for Change. Paris: OECD Publishing, 2020.

[14] United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Corruption in Sport. Vienna: United Nations, 2021.

[15] Levi M. Economic Crime: From Conception to Response. London: Routledge, 2022.

References:

[1] Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook/ed. A.I. Raroga. M.: Prospect, 2023.

[2] Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook/ed. A.I. Raroga. M.: Prospect, 2023.

[3] Russian criminal law. Special part: textbook/ed. A.I. Chuchaev. M.: Norm: INFRA-M, 2022.

[4] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes/rev. ed.

V.M. Lebedev. M.: Yurayt, 2023.

[5] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary/rev. ed. A.V. Diamonds. M.: Prospect, 2021.

[6] Russian criminal law. Special part: textbook for universities: in 2 volumes/rev. ed. O.S. Kapinus. M.: Yurayt, 2024.

[7] Criminal law. General part: textbook for universities/ed. I.Ya. Kozachenko. M.: Yurayt, 2023.

[8] Criminal law. Special part: textbook for universities/ed. I.Ya. Kozachenko. M.: Yurayt, 2023.

[9] Anti-corruption: textbook and workshop for universities/under the general. ed. E.V. Okhotsky. M.: Yurayt, 2022.

[10] Russian criminal law. Special part: textbook/ed. V.P. Konyakhina, M.L. Prokhorova. M.: Prospect, 2021.

[11] FATF. Countering Ransomware Financing. Paris: FATF, 2023.

[12] Europol. European Financial and Economic Crime Threat Assessment 2023: The Other Side of the Coin. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023.

[13] OECD. Corporate Anti-Corruption Compliance Drivers, Mechanisms, and Ideas for Change. Paris: OECD Publishing, 2020.

[14] United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Corruption in Sport. Vienna: United Nations, 2021.

[15] Levi M. Economic Crime: From Conception to Response. London: Routledge, 2022.

